Вор-Барма Деревенской и Шиш Московской

Было два брата, у одного брата было три сына. Дядя хотел испытать племянников, взял старшого в лес — што из него будет. Поехали по лесам, племянник говорит: «Дедюш-ка, этта леса хороши, их можно на постройку брать». — «Это, племянник, дельнё говоришь, из тебя будёт путь хоро́ша». На другой день другого племянника взял, опять поехали, тот и примечает: «Этта сушнику́ много, можно смолья́ и уго́лья много наделать». — «Замышляной будешь, это дело». Поехал на третей день — третьего, Ивана. Поехали, день ездили — молчал. Доехали до речки, со́сна наклепи́лась. «Дядя?» — говорит Иван. «Чего, племянник?» — «Этта бы тебя да отця хребтамы в куцю свезать, да вниз головой и повесить, я хоть бы посмеялса». — «Ах ты, племянник, дурак! Ты отцю не сын, а мне-ка не племянник». Вздумали Ивана продать, посадили на быка-семисажонника, отец сел ко хвосту, сын к рогам, и поехали. Едут, сын видит сопог на дороги лежит. «Отец, сопог лежит». — «Ну, к чорту, не надо сапога». Вперёд по́гнали. Иван сопог с ноги спихнул и говорит: «Отец, другой ведь лежит, вот кабы тот взял, пара-бы была». — «Эка, парень, держи быка, я сбегаю». Отец ушол, а Иван на быке утонил, да в лес, и начал быка бить, а сам кричит: «Не я быка украл, отец быка украл!» Отец как надбежал, испугалса и назад. Иван быка убил, шкуру содрал, и направилса по дороге вперёд итти. Встречу ему человек. «Здраствуй, молодеч!» — «Здраствуй, ты какой?» — «Я Шиш Московской». — «А я Барма деревеньской. Ты куды пошол?» — «А я дурачить, где укрась, где убить». — «Ты дурачить и я дурачить, пойдём вместе». Покрестовались, пошли вместе. Вздумали испытать друг друга. «Укради из-под птицы е́ицы, поверю, што воровать умеешь», — говорит Иван Шишу. Шиш начел лезть по дереву за еицами, а той поры Барма у Шиша подошвы спорол, а Шиш птичу испужал. «Ну, испужал, спускайся назад». — «А чо у меня ноги мокры?» — «А я у тебя подошвы украл, а ты не слыхал». Опять пошли вместе.

Пошли в Москву. «У меня край Москвы мэть живёт на фатеры». Пришли, мать обрадовалась сыну, угостила их. Отдохнули, ночью пошли воровать. Зашли к богатому в дом и много украли, грабе́ж большой сделали. Поутру́ воров искали, не могли натти. На другу ночь другой дом обокрали. Поутру́ опеть сделалась тревога. Искали, искали, натти не могли. На третью ночь опеть пошли воровать. А на Москве дом строили, струмент оставили, брёвна

наладили фальши́вы, под ним обрезы со смолой. Как ступят, брёвна повернутця, воры в боцьки упадут. Идут воры, увидели — по́ло. «Давай приворотим». Приворотили. Шиш Московской пошол сперва, ступил на брёвна да в обрез, в смолу упал. «Тени, крестовой, меня, мне не вы́стать». Барма спустилса, вытащить не мог, одна голова видна, взял голову отрезал, штобы неприметно было. Пришол к старухи, старуха и заревела, што сына не стало. «Не реви, бабка, хорони хоть голову, а завтре тело повезут, по телу узнавать вора». Нехто не выискиватця. Надо стало Ивану тело укрась. «Хочетця тебе, старуха, сына посмотреть, налей крынку молока, иди, а как везут, выпехайся, выпусти крынку из рук и реви: «Не жалко молочка, жалко крыночку», тут тебя нехто не приметит». Старуха так и сделала, наревелась до́сыта. «Надо тело укрась», — говорит Барма. Наклал воз уго́лья в кульё, повёз продавать, отправилса. Тело везут, и он за им с угольем. Ездили, пристали на фатеру, тело на двор завезли, и он туда жо. Поужинали, спать повалились, а он на рундучёк повалилса. Как они за́спали, он выйдет на двор, да огня достанет, коней запряк, тело и вывез, а двор запер, отправилса к старухе. «На, бабка, тело, хорони край Москвы, нехто теперь не знат».

Дело дошло до царя. «Какой-такой вор, нехто натти не может?» Ночью пошол царь по Москвы, надел платье не приметно, встретилса с вором. «Куда пошол?» — спрашиват царь. «А я Барма деревеньской». — «А я вор, пойдём воровать вместе». — «А куда пойдём? Пойдём к купечеству, у их пожива лёкка», — говорит Барма. «А пойдём хоть к царю, у царя денёг много». Барма хватил царя по щеке. «Ах ты, такой-сякой! Можно-ле на Бога, да на царя руку подымать? Мне тебя не надь, поди прочь». Царь пошол домой, а Барма опять для себя, сам собой украл.

Царь приказал обед сделать и велел всем съежжатця; приказал на дорогу денёг насыпать, вор пойдёт, не утерпит, наклонится — того и хватать, и имать. Барма надел лапти, подошвы насмолил, и денег к нему много нальнуло. Царю доносят: «Нехто не наклонилса, а денег не стало». Царь велел полату отвести, обыскать хоцёт всех. Спят, вор проспалса, видит, што запертой в полаты царской, а он при деньгах (а у него, царь приходил, полголовы, полбороды сбрел, видел, што у него деньги, и ножницы клал за зеркало). Увидел вор ножничи и начел у всех полголовы, полбороды стричь, а клюшку свою и лапти другому перенёс и сам перешол. Поутру царь берёт генералов, хочут взять вора, приходят в полату, у всех полголовы, полбороды обрето. Царь усмехнулса: «Ну, думно министерство, я хоть и хитрой царь, а вор хитрее меня». Теперь пришлось вора простить. «Ну, вор,

прощаю тебя во всей вины, только покажись, какой ты есь». Вор вышол. «Я вор есь, прости меня грешного.

Пошли на обед снова, где вор стал обсказывать все свои воровства. Пригодилса на обеди архирей, он и говорит: «Вот если бы ты у меня мог клюшку укрась, был бы настоящой вор». — «Я у тебя украду, если-то без отры́ску. Уговорились. Архирей пошол в комнаты, а вор начел крылья подделывать и железны когти сковал. И подошол к архирейскому дому, спорхнул к окошкам, а когтямы в стену и влипил, и говорит: «Господи Исусе Христе, дома ли святая владыка?» — «А ты хто есть?» — «А я есь ангел господень, взять тебя святую владыку на небеса, сподобился ты». — «А я еще не приготовилса, пусть завтре». — «Ну завтре, дак завтре, приготовлейся на завтрешню ночь». Архирею не спитця. Задумал: «Моя молитва до Бога дошла». Опеть на́ ночь лёг, спать повалилса. Вор опять к окну поднялса. «Святая владыка, готов ли? Не велено оставить». — «Да ты куда меня кладёшь?» — «Да в мешок, у меня и мешок с собой есь». Архирей в мешок засел, клюшку взял, а вор его из окошка на́ зень и бросил. «Жив ли, святая владыка?» — «Жив, да досадилса». Вор понёс архирея на колокольню. Выстава́л по леснице, да и спустил. Архирей полетел. «Это тибе друго мытарство, небесно царство. Жив ли?» Опять его понёс на колокольню, и опять по ли́стовке спустил; опять архирей покатилса. «Это тебе третье мытарство, в небесно царство, скоро тебя со звоном стретят». Вы́знял его на колокольню, привезал к самому большому колоколу и зазвонил. Сторож прибежал на колокольню, привязан к языку мешок. «Хто в мешке?» — «Я есь, святая владыка, архирей, меня ангел Божий на небеса поднимал». Сторож отвезал архирея, чуть жив. А вор клюшку унёс.

(Чалков Степан Кузьмич)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.